

РАССКАЗ О ДРУЖБЕ, ЛЮБВИ И ЛИТЕРАТУРЕ

– Значит, говоришь, ушла она?

– Угу, – кивнул я, наблюдая, как в кружке пенится пиво. – К банкиру. Сказала, он хотя бы может вкрутить лампочку. Банкир. Лампочку.

– А ты чего же? Не можешь? – Толик с явным наслаждением затянулся сигаретой, выпустил в мою сторону неправильной формы колечко.

– Могу. Но поди пойми этих баб!

Ночь уже полностью утвердилась в своих владениях, и все, что нам с Толиком оставалось, так лишь спастись от навязчивой вырвиглазной темени в маслянисто-желтом свете фонаря, висящего под самой крышей беседки.

– Сдается мне, вовсе и не из-за лампочки она ушла, – задумчиво протянул Толик. Глотнув пива, размашисто вытер пену с усов. – Какая, говоришь, у него тачка?

– Так лексус. Или что-то подобное...

Толик слегка наклонил голову и уставился куда-то за меня. На что именно он уставился, можно было не спрашивать, так как ход его мыслей был предельно ясен. А уставился он, кстати, на старенькую, с ржавчиной по бокам, «девятку», кокетливо жмушущую в компании его «крайслера».

– Нет, дело тут определено не в лампочке, – заключил Толик.

– Да ладно!

К этому времени шашлык из баранины был съеден, пойманная рыба охлаждала свой буйный нор в морозилке, натопленная баня дышала парами березы и наших с Толиком тел, а сами мы, охмелевшие и по-свински расплывшиеся, как раз пытались перейти к заключительной стадии рыбалки – философским беседам под открытым небом с кружкой холодного в руке и папироской в зубах.

Но, как бы мы ни старались, беседа не клеилась, то и дело спотыкаясь о неприятную действительность. Мою неприятную действительность. И действительность эта заключалась в том, что с неделю назад женщина, которую я любил всем сердцем, бесцеремонно меня бросила. Даже не «бесцеремонно» – не-а, такое слово здесь не годится. Подло. Гадко. Вот это гораздо ближе к тому отвратительному поступку, который она совершила, прежде чем уйти, по-театральному громко хлопнув дверью. Вестма незатейливый способ, чтоб сменить мою старенькую «девятку» на новенький лексус, а хрущевку на окраине, где мы прожили пять замечательных лет, на просторную трешку в новостройке – разумеется, в самом центре города.

– В общем, забей, – отмахнулся Толик. Или же просто отмахнул назойливого комара. – Сука она, и этим все сказано.

Нутро опалило огнем, и я уже собрался было прыгнуть на Толика и от всей души врезать по его толстой, усатой и вечно довольной морде... как внезапно все прошло. Осталось лишь неприятное понимание, что, в принципе, он прав. Все верно: моя жена... моя бывшая жена – та еще сука. Су-чи-на! А все эти напыщенные разговоры о любви и преданности, эти набившие оскомину

Евгений Долматович родился (1986) и живет в Ярославле. В 2008 году окончил Ярославскую военную финансово-экономическую академию. Публиковался в журналах «Ното Legends», «Крещатик», «Нева», «Новый берег», «Новая Юность» и др., в сборниках «Очертания», «Аэлита/010», «Своими именами называются», «Город счастья».

сентенции о рае в шалаше, это лицемерно-героическое желание пройти бок о бок сквозь огонь, воду, медные трубы и очереди в ЖКХ, как и показушное стремление всегда быть рядом – все это одна сплошная ложь. Ложь, ложь, ложь! Вранье, ложь, как она... Нет, каким мы щедро откармливали друг друга, жирея на этом вранье и отчаянно желая верить, что все-таки говорим правду. Что ж, в конечном счете она оказалась куда сообразительней и раньше меня смекнула всю глупость и наивность подобных самообманов.

Так что свалила – и правильно сделала. С какой стати гнить с таким ленивым и безвольным мусорным мешком, как я?..

Вспыхнувшая с новой силой обида в мгновение ока подавила остальные мысли, а потому, сделав два больших глотка прямо из бутылки, я выдохнул лишь лирически-горькое:

– Сука.

– А я тебя предупреждал, – пробормотал Толик.

Я посмотрел на него, он – на меня. И в звенящей пустоте между нами затрепыхалось, забило крыльями воспоминание о том далеком дне, когда мы очень крупно поцапались. Тогда бывшая жена еще не была бывшей, даже женой не была. Невеста, которую я решил познакомить с лучшим другом детства и которую он как-то сразу невзлюбил. Хватив лишнего, отвел меня в сторону и без обиняков выдал, что не стоит ей доверять. «Какая-то она с гнильцой», – подытожил Толик. А я набросился на него с кулаками...

Прогнав воспоминание, я снова отхлебнул из бутылки.

Толик никак не прокомментировал тот факт, что я дважды нарушил негласное правило не пить из горла, бережно соблюдаемое на протяжении всех тех лет, что мы «рыбачили». Рыбачили, кстаги, честно, почти без кавычек. Всегда вдвоем. Всегда без женщин.

Да и на кой, спрашивается, они здесь нужны?

– Водки бы сейчас, – вслух размечтался я, поглядывая на мотыльков, оккупировавших мерцающую лампочку.

– Не-не, – запротестовал Толик, – этого добра как раз и не надо. У нас есть пиво, есть сигаретки и хороший такой летний вечер. А еще звезды есть! – Он ткнул пальцем вверх. – Так давай наслаждаться всем этим великолепием, не примешивая тяжелый градус.

Я нехотя кивнул, вспомнив, что до ближайшего села, где можно обзавестись заветным «тяжелым градусом», примерно с полчаса езды через лес и непроглядную тьму. Но я также помнил и о недопитой бутылке коньяка, с незапамятных времен запрятанной в спальне на втором этаже. Той самой бутылке, что была распита в день, когда я впервые привез свою молодую жену в этот, доставшийся мне от отца – заядлого рыболова и охотника, – домишко. Тем знаменательным вечером мы с ней были настолько возбуждены, что даже не уговорили бутылку до конца. И как только алкоголь вдарил по мозгам, мы перестали сдерживаться и занялись самым диким, какой только случался в моей унылой на любовные приключения жизни, сексом. А наутро я убрал недопитый коньяк в шкаф (или куда-то там еще) и больше о нем не вспоминал.

Вплоть до нынешнего момента...

Господи, а ведь с тех пор минуло ни много ни мало целых пять лет! И за это время мы с женой умудрились полностью охладеть друг к другу, сменив нежные комплименты на язвительные упреки, а сладость любовных иллюзий на горький привкус лжи...

Я поморщился. Издыхающий писатель во мне старался пододвинуть тоскующего мужа-рогоносца. В итоге искренность тонула в пафосе, получалась литературщина – вымученные, претенциозные рассуждения, напрочь лишённые жизни.

А жизнь ведь беззастенчиво и беспощадно банальна! И среди прочего она сводится к тому, что порой единственное, связывающее тебя с кем-либо, – это общее имущество, накопленные годами обиды или дурацкая печать в паспорте...

Ну и, возможно, глупая ностальгия по дням давно минувшим.

– Ты где? – донесся до меня голос Толика.

– Че?

– Спрашиваю, где ты? – улыбнулся он. – Куда пропал-то? Сидел, болтал, и вдруг на тебе – отключился. Зову, зову – ноль эмоций!

– А-а... – Я в три глотка допил пиво, громко рыгнул. – Не обращаю внимания. Я называю это состояние... э-э... *машинной времени*... Как у Брэдбери. Ну, когда в память, как в омут, проваливаешься – прям всамделишное путешествие в прошлое...

– М-де, ясенько...

По его физиономии было видно, что ничего-то ему, балбесу, не ясенько, и мое поведение он наверняка расценивает на поведение человека, не так давно застукавшего жену с любовником. После чего эта самая жена заявила, что ее муж-де полное ничтожество, безвольная тряпка, лишенное какой-либо гордости дерьмо и... еще много замечательных эпитетов, на которые способны исключительно женщины. А затем она навсегда покинула его жизнь, оставив лишь выжигающее чувство опустошенности да – что было невероятной подлостью с ее стороны! – грязное постельное белье, хранившее запахи ее тела, тела ее нового мужчины и их предательского соития.

– Я этот прием в некоторых своих романах использовал, – сказал я, нарушив порядком затянувшееся молчание.

– Какой прием?

– Ну, *машину времени*.

– Ага...

– Сидишь такой себе, а потом бац – и занырнул. В прошлое. Вспоминаешь, как оно все было, и эти воспоминания наслаиваешь на то, что есть теперь. Как фотография с двойной экспозицией. Этакие фантомы.

– Кто? – не понял Толик.

– Призраки, – попытался объяснить я. – Не те, что в кино, а другие. Когда смотришь, и видишь памятью...

Я глянул на Толика, тот с упоением ковырялся в носу.

– Не любитель читать, ты ж знаешь, – наконец пожал он плечами. – Поэтому ничего дельного я тебе про этот твой прием не скажу.

По крайней мере, он был честен. Толик не прочел ни одной моей книги, хотя все они, снабженные автографом и пожеланиями всего наилучшего, стояли у него дома на полке, а его супруга нередко нахваливала то, что я сочинил. Для Толика чтение было непонятным и скучным занятием; он вообще не желал делать что-либо против своей воли, а потому говорил все напрямую.

Моя жена... бывшая... в этом плане разительно от него отличалась. В течение пяти лет нашей совместной жизни она снизошла лишь до одного моего рассказа – того, что я посвятил непосредственно ей и который едва ли не насильно заставил прочесть. Ага, то, чего я не позволял себе в постели – грубость, настойчивость, анекдотичное «право самца», – я попытался компенсировать литературой. Но образ «плохого парня», этакого прожженного писателя-мачо, не опускающегося до выключивания (секса?) отзывов, но натурально насилующего своим творчеством, распался, не успев сложиться. Даже здесь я облажался, ведь мнение о рассказе было высказано в предельно лаконичной форме: жена просто сказала, что ей очень понравилось. Сидя на диване сказала. Глядя в телевизор. А в остальном мое творчество занимало ее лишь в плане финансов, и с этим, увы, были явные проблемы, так как книги мои покупались крайне вяло. При всем при этом она так ни разу и не призналась в своем наплевательском отношении, всячески отрицая подобные обвинения с моей стороны, а в случае если деваться было некуда, ссылалась на нехватку времени и откупалась обещаниями ознакомиться с текстами чуть позже. Гораздо позже. Лучше всего – никогда.

Она так и не поняла, что ее мнение было куда важнее для меня, чем восторженные (ну или не очень) отзывы читателей, ворчание критиков и подобострастие фанатов. Если таковые, конечно, имелись...

Она этого не поняла, а я не сумел ей это втолковать. Ну, либо же – во что мне не хотелось верить – она все прекрасно знала и понимала, и ей попросту было плевать. Вот тебе и рифма...

– А сейчас что-нибудь пишешь? – Толик вновь подхватил меня за шкуру – естественно, метафорически – и вытянул из трясины мрачных раздумий.

– Уже год ничего не пишу, – признался я, поглядывая на исчерканные в тетради листы. – С того самого момента, как почувствовал, что мой брак накрывается медным тазом.

– Ты слишком много об этом думаешь, – прищипнул Толик. – Так и сбрендить недолго.

– Где наша не пропадала, – отозвался я.

Помолчали.

– А что редакторы говорят? – спросил Толик. – Или издатели?.. Короче, те, кто с тобой возьт-ся – они что?

– Да ничего. Не такой уж я известный, чтоб со мной возиться. А те, кто возьт-ся, из-за развода пока не трогают. Но скоро, думаю, начнут крыть отборным матом. – Я отмахнулся: то ли от этих мыслей, то ли от очередного доставшего комара. – В принципе, бог-то с ними. Как сочинитель всяких историй я давно уже выдохся.

– Херню несешь, – нахмурился Толик. – Моя вона запоем прочла все твои книжки. И с нетерпением ждет новые. По правде, я уже заебался слушать, какой ты «глубокий» и «проникновенный» писатель. Впору задуматься...

Он косо посмотрел на меня, я – на него. А затем мы оба разразились безудержным лающим хохотом. Смеялись до слез, разбрызгивая пиво и пугая сверчков, которые, оглушенные бурей наших эмоций, даже на время прекратили свою унылую трель.

– Ну ты выдал! – хохотал я. – Глубокий, бля! Проникновенный, сука!..

Толик от всей души меня поддерживал. Я же смеялся так, как не смеялся, наверное, уже очень давно. Но даже сквозь этот гогот маячило понимание, что подобные эмоции не столько реакция на шутку, сколько запоздалая истерика надломленного неудачника.

– Ладно, – с трудом отдышавшись, я поднялся из-за стола. – Пойду захвачу еще пивка.

– Опять ящик?

Я обернулся, встретился с Толиком взглядом, и мы снова рассмеялись.

– Все, хватит уже, хорош!

Бодро вбжевав на крыльцо, я распахнул входную дверь, пересек сени и очутился в прихожей. И здесь меня сцапало осознание, что я и вправду давно так не смеялся. Хлябнула трясина нагноившей депрессии, я вдруг поймал себя на мысли, что вот-вот разрыдаюсь.

Нестерпимо захотелось крикнуть что-нибудь злое.

– Сука! – не сдержался я. – Сука! Сука! Сука! – И зачем-то добавил: – Жил нормально, смогу так и дальше.

Стало чуть-чуть полегче, хотя в глубине души настырно зудел ехидный голосок, подначивающий, де ничегошеньки-то у меня не выйдет. Решил не обращать на него внимания. Выпитое пиво придало сил в этой нелегкой затее: я успокоился, попробовал улыбнуться...

...и тут заработала *машина времени*.

Окутанная теньями прихожая налилась дневным светом, наполнилась музыкой, голосами. Следом явились видения. Я шагнул в комнату и посмотрел на жену – молодую, с искрящимися от алкоголя и похоти глазами. Она танцевала, плавно покачивая бедрами. Бросала на меня призывные взгляды, улыбалась. Я протянул руку и коснулся ее щеки. Потрогал, разумеется, лишь воздух. И все же пальцы помнили, какова на ошупь ее кожа... Захотелось схватить жену и крепко-крепко обнять. Зарыться лицом ей в волосы, вдыхать ее запах – такой родной, такой успокаивающий, – и точно знать, что нет и не было той пропасти, которая навсегда разделила нас с ней...

В этот раз вместо литературщины пожаловали клише: сексуальность потерянной для тебя женщины, ее манящая телесность. В этих образах не было ничего от нее самой, одни сплошные представления – мои представления, визуализированная тоска моего стареющего тела.

Воображаемая жена с этим явно была не согласна. Она отстранилась, поманила пальцем. Уже на лестнице обернулась, подмигнула, и я с легкостью отшвырнул все свои размышления – размышления бесталанного писателя, силившегося отобразить жизнь среди букв и строчек, приди-

рающегося к себе и отчаянно не желающего понять, что жизнь и есть клише. Пережитое мгновение ярко и чудесно – до тех пор, пока не запрешь его в тексте. Тогда оно вянет, обращается в труху. Ведь бабочка, порхающая в поле, и бабочка, припиленная иглой к бумаге, – не одно и то же.

Очередная кривая метафора?..

Ощувив болезненный укол в груди, я попытался прогнать видения, вырваться из их плена. Сделал только хуже. Одни образы сменились другими, и теперь, натурально оглушенный, я наблюдал за чужой страстью. Моя жена, ее любовник – там не было места для меня, и я не должен был ничего видеть. Наше с ней расставание предполагало слова – холодные и расчетливые, этакий плевок в душу, – возможно, взаимные упреки, скандал-другой. Но без таких вот откровений. Точно уж без тех раздражающих на куски образов, которые словно раскаленным железом выжигаются в памяти.

Навсегда выжигаются.

Я видел обнаженные тела, видел взгляды – в глазах жены не было удивления или испуга. Наверное, она ждала моего возвращения, сделала все намеренно. В конце концов, что ей мешало трахаться у любовника? Почему нужно было порочить мою квартиру? Порочить... Быть может, размышляя я, в этом есть некий сакральный смысл, своего рода ритуал? Так она хотела навсегда покончить и со мной, и с моей убогой хрущевкой – разметать далеко не лучшие годы жизни, отказаться от них и обратить в злую шутку, в забавный казус, который она будет вспоминать с улыбкой, без горечи и стыда. Что ж, для этого она выбрала самый подходящий способ – лучше не придумашь!

Ну а я – что я? Я, видимо, для нее стал прошлым – неприятным, раздражающим. Если любовь делает из возлюбленного Бога, то нелюбовь обращает его в пустое место, верно?

Я закрыл глаза, надеясь, что образы оставят меня в покое. Внутри – там, где сердце, там, где душа – было неуютно темно и по-кладбищенски тихо. Ничего не осталось. А потом я мимоходом вспомнил, как жена посасывала мой большой палец во время наших постельных игр, и подумал, что теперь, видимо, она точно так же посасывает палец своего нового мужчины. Расставание почему-то всегда плодит исключительно такие воспоминания – болезненные, будоражащие ревность. И как бы я ни старался, я не мог вспомнить наши с женой разговоры, все те мелочи, что определяли нашу совместную жизнь. Нет, в голову упрямо лезла всякая гадость...

Я вздохнул, открыл глаза. Спальня была окутана бархатистой тьмой, из распахнутого окна тянуло прохладой. Ни жены... бывшей жены, так ведь?.. ни ее любовника не было.

– Все у меня будет хорошо, – подбодрил сам себя.

После включил свет и начал рыться в тумбочках, в шкафу, даже на книжные полки заглянул. Там-то, между «Простодушным» и «Камерой обскура», я и отыскал недопитый коньяк. Толик может ворчать сколько влезет, но этой ночью мне как никогда необходим тяжелый градус.

Спустившись на кухню, я открыл холодильник и прихватил оставшиеся бутылки с пивом. Влажный холод стекла обжигал ладони, это было приятно.

Довольный собой, я пересек прихожую и сени, толкнул плечом входную дверь и очутился в ночной темноте.

Один.

Толика в беседке не было.

Не обратив на это внимания, я направился к столу, на который и взгромоздил прихваченные из холодильника бутылки...

И замер.

Недокуренная сигарета одиноко тлела в пепельнице, ветер перебирал испещренные кривыми строчками тетрадные листы. Стало как-то не по себе.

– Эй, Толян! – зачем-то крикнул я в ночь.

Ночь ответила погребальным безмолвием, а оскорбленные сверчки – яростной трелью. И больше ни единого звука.

– Да хватит уже, – без какой-либо надежды прошептал я. – Давай: отлил, встряхни хорошенько и выходи...

И грустно улыбнулся собственной дурацкой шутке.

Естественно, на провокацию Толик не повелся. Он и не смог бы этого сделать, ведь его здесь не было.

Тогда я извлек из пачки сигарету, закурил. Усевшись на лавку, с раздражением посмотрел на тетрадь, на все эти слова и предложения – проза? литература? жалкая графомания! – схватил бутылку коньяка и сделал несколько жадных глотков. Прямо из горла. Затем перевел взгляд на окурок в пепельнице. Самый обычный, он уже не дымился, потух, и точно уж не вызывал того мистического чувства – того первобытного ужаса, – что я испытал, вернувшись из дома. Хороший образ, отметил я для себя. Из этого образа можно было бы состряпать рассказ. Или, лучше, роман. Какой-нибудь детектив, может, страшилку про чудище в лесу, про древних ведьм или инопланетян...

Я отвернулся и посмотрел на свою ржавенькую «девятку», одиноко жмущуюся возле дома. Да, там мог бы стоять «крайслер» Толика, а сам Толик мог бы сидеть напротив меня, прихлебывать пиво, шутить и балагурить. Быть моим другом, в конце концов.

Но его не было, потому что несколько лет назад он переехал в другую страну. Мы так и не помирились после той безобразной стычки, хотя ее причины... Конечно, Толик ничего не говорил про мою жену. Я это выдумал, потому что это было бы – не знаю – логично, что ли. По-литературному логично: каждая мысль в тексте, каждое событие служит конкретной идее. Строгая причинность, ничего лишнего. В реальности, увы, все иначе. В реальности мы с Толиком, упившись до поросячьего визга, зацепились языками и разругались в пух и прах. На этом наша дружба закончилась. Никто не спешил мириться, каждый был горд и хранил эту гордость до последнего. И я почему-то верил, что под «последним» всегда подразумевается миг смерти – неотвратимое, о чем пишут в книгах, пробивая наивного читателя на скучную слезу либо на философское размышление о вечном. Но нет, смерти тут не требуется. Порой достаточно упущенного времени, той обыденности, которая непременно расставит все по местам и про которую с умным видом говорят, мол, «случилась жизнь». Не смерть случилась, а жизнь. Былое теряет остроту, раны затягиваются, но и человек уже изменился. Больше он не вернется. И дело не в том, что он все еще зол и обижен, просто это уже совсем другой человек. Время дружбы ушло. Поэтому когда я через знакомых разузнал номер Толика, набрал его, мне ответил кто-то чужой, кто-то, с кем наши дороги давно разошлись. Да, мы поговорили о всяком, вспомнили, как оно было раньше, грустно посмеялись и... распрощались. Судя по всему, навсегда распрощались.

Так я потерял друга.

Захваченный этой мыслью, я еще отхлебнул коньяка, не сразу нащупал карандаш и сделал несколько пометок. А вдруг из этого и вправду выйдет рассказ? Реалистический ли, мистический? Не важно! Главное, написать хоть что-то!

Я вновь соскисал на окурок в пепельнице – мой позабытый окурок, – и вновь признал, что при всей своей незамысловатости это довольно пугающий и весьма удачный образ. В нем есть интрига, сокрыт какой-никакой потенциал.

И я запросто бы мог написать о том, как ближе к утру прибыл милицейский наряд. Как они обнаружили меня в беседке, где я трясся от холода, наблюдая за постепенно розовеющим небом, будто смущенным оттого, что наступает новое утро... Мог бы в деталях расписать, как они искали Толика – с неделю искали, даже больше. Прошерстили всю округу, перерыли все канавы, облазили реки и болота. И не нашли...

Загадочная история о том, как исчез Толик. Интригующая, держащая в напряжении, прочая околесица, которую лепят на обложки бестселлеров...

Я протер воспаленные глаза, быстро допил коньяк и потянулся к пачке сигарет. Пошатнулся и чуть не свалился с лавки. Лишь теперь я понял, насколько пьян.

А мысль моя все блуждала, цепляясь за события моей жизни. От Толика она вернулась к бывшей жене, к нашему с ней расставанию. *Машина времени* – прекрасная вещь для писателя, в том числе потому, что перестраивает реальность, дорабатывает ее, превращая в сюжет. Ушлый банкир и гнусная измена. Опороченная квартира, где герой, захваченный в плен воспоминаниями и самоедством, вынужден жить дальше. Этакая бытовая трагедия, тема, о которой можно и нужно писать. Еще один рассказ. Не такой остросюжетный, как про таинственное исчезновение лучшего друга, но зато по-иному цепляющий. Грубая проза, в которой ключом бьет грубая жизнь – и чем неприглядней эта жизнь, тем лучше. Такое любят. Такое читают. Такое получает литературные премии. Обычная судьба обычного человека.

Хорошие и действенные выдумки, если писать совсем уж не о чем.

А на самом деле обычная судьба обычного человека – это когда возвращенная с детства дружба обрывается из-за глупости, либо рассеивается, как утренний туман, – банально потому, что пришло ее время. Никакой тебе мистики, никаких интриг и расследований.

Судьба обычного человека – это когда жена молча собирается и уходит. Не к богатенькому банкиру, демонстрируя свою якобы гнилую сущность, а потому что разлюбила и не может так дальше. Ведь и для любви частенько отпущен свой срок. И вот она уходит – любовь? жена? – не к кому-то, а попросту в никуда, лишь бы подальше от тебя, от той невыносимой безысходности, какою ты стал. Никаких слезливых трагедий, никаких грязных подробностей. Скука и уныние, которым не светит ни одной премии.

Скука и уныние...

Я отложил карандаш. Пшикнув пробкой, сделал несколько глотков и тут же закурил. Перед глазами все плыло, на душе было тоскливо.

– Да и сам ты – скука и уныние, – сказал я, продолжая оборванную мысль. – Четвертый десяток разменял – и че? Сидишь один в пустом доме, бухаешь и стараешься что-нибудь сочинить. За чем-то колупаешь свою жизнь, выдумываешь всякое, чтоб в итоге... что? Ну что?! Возникла история, литература, что-нибудь еще, да? Что-то этакое, что и выделит тебя среди прочих. Писатель – он ведь не обычный человек. Совсе не жалкий неудачник, который пытается слепить из своих неудач искусство – не-е-е! Он видел и знает больше, верно?.. Да ни хрена ты не видел! Ни хрена!

Я уже был сильно пьян, меня постепенно клонило в сон. Но я не хотел спать. Я хотел, чтобы рядом был Толик, и чтоб он шутил, нес всякую чепуху и громко невпопад смеялся. Я хотел, чтоб он был здесь, и нас по-прежнему связывала крепкая дружба.

А еще я хотел, чтоб моя жена все так же была со мной. И пусть бы мы спорили, может, ругались, но точно бы знали, что мы вместе, любим друг друга. Знали бы, что мы – навсегда.

И, конечно же, я бы очень хотел снова писать – выдумывать различные истории, хоть временами и глупые, даже никудышные, но все же истории. Сочинять их так же легко и просто, как сочинял когда-то. Радоваться им, по-детски веря, что именно в этом мое призвание, и громко и пафосно заявлять всему миру о том, что жизнь моя отныне и вовек связана с литературой.

Как же я всего этого хотел!

Только вот не было в моей жизни больше ни дружбы, ни любви, ни литературы.

И все, что я мог сделать – таки свалившись с лавки на землю, облив себя пивом, – это то ли выплунуть, то ли выскулить язвительно-жалобное:

– Сука!

И еще раз:

– Сука!

И еще:

– Сука!

Вот только к кому я обращался?